

ДИПЛОМАТ, СТРАТЕГ, РАЗВЕДЧИК, ИСТОРИК — НА СЛУЖБЕ РОССИИ. КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Екатерина Сергеевна Федорова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ledentu@mail.ru <https://orcid.org/>

Аннотация. Имя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896) почти не упоминалось в XX в. О нём стали вспоминать в конце первого десятилетия XXI в. Инициатором целого ряда исследований о дипломате стал его потомок князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Ныне подготовлена фундаментальная монография о князе Лобанове. Его международная деятельность в должности чрезвычайного и полномочного посла протекала в самых сложных на тот момент политических точках — дважды в Константинополе (1859–1863; 1878–1879), а также Лондоне (1879–1882) и Вене (1882–1895). Он умел разрешать острые проблемы современности, используя искусный дипломатический инструментарий. Пост заместителя министра внутренних дел он получил во времена сложной перестройки социально-общественных институтов — это была эпоха «Великих реформ» императора Александра II. Предложив ему эту должность, император учитывал интеллектуальный масштаб, стратегическую дальновидность и тактическую гибкость князя. За одиннадцать лет деятельности на этом поприще (1867–1878) князь Лобанов-Ростовский нередко выполнял обязанности министра. За это время значительно усовершенствовались правовые нормы государства и его взаимоотношения с обществом. В 1870 г. Алексей Борисович получает почётную должность статс-секретаря Его Императорского Величества, то есть личного докладчика императора. Эта должность предполагала личные взаимоотношения с императором. Лобанов-Ростовский оставался статс-секретарем до конца жизни. И император Александр II, и Николай II с особым теплом относились к Лобанову-Ростовскому. Лобанову удалось заключить Русско-турецкий окончательный мирный договор 1879 г., положивший конец войне России с Турцией. Этот договор дал России значительные моральные и материальные результаты. Также договор положил начало автономному княжеству Болгарскому, то есть дал жизнь болгарской государственности. Работа Лобанова-Ростовского на посту министра иностранных дел в течение 18 месяцев (1895–1896) плодотворно

отразилась на положении России на мировой арене и была высоко оценена и в России, и в мире. В статье раскрываются различные стороны незаурядной личности князя, не только дипломата, но и учёного, получившего звание почётного члена Российской академии наук. Лобанов-Ростовский был подлинным эрудитом, глубоко знавшим и любившим русскую старину; библиофилом, коллекционером, генеалогом и историком, — неоднократно находил новые документы, связанные с историей России, тщательно комментировал их и на протяжении четырнадцати лет (1871–1885) систематически публиковал в специальных исторических журналах. В статье системно проанализированы воспоминания современников и новейшие исследования об этом выдающемся деятеле российской культуры, положенные в основу книги, планируемой к изданию в конце 2022 г.

Ключевые слова: Лобанов-Ростовский, дипломат, Александр II, Александр III, Николай II, история дипломатии, меценатство

Для цитирования: Федорова Е.С. Дипломат, стратег, разведчик, историк — на службе России. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 83–106. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-83-106>

Philosophical essay

THE DIPLOMAT, STRATEGIST, INTELLIGENCE OFFICER, HISTORIAN — IN THE SERVICE OF RUSSIA. PRINCE ALEXEY B. LOBANOV-ROSTOVSKY

Ekaterina S. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ledentu@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the life and various aspects of the activities of the outstanding diplomat Prince Alexey B. Lobanov-Rostovsky (1824–1896). The name of Lobanov-Rostovsky was not mentioned in literature until the first decade of the 21st century. Then Lobanov began to be remembered thanks to the efforts of his descendant Prince Nikita D. Lobanov-Rostovsky who initiated a number of studies about the prominent diplomat. A fundamental monograph on Prince Lobanov-Rostovsky has now been prepared. His international activity as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary took place at the most difficult political points at that time — twice in Constantinople (1859–1863; 1878–1879), as well as in London (1879–1882) and Vienna (1882–1895). He always managed to solve the most pressing problems of his time using skillful diplomatic tools. He received the post of Deputy Minister of the Ministry of Internal Affairs during the challenging period of restructuring of social and public institutions in Russia. It was the era of the so called *Great Reforms* of Emperor Alexander II. By offering him this position, the emperor took into account Prince's intellectual scale, strategic foresight and tactical flexibility. During 11 years of activity in this field (1867–1878), Prince Lobanov-Rostovsky often performed the duties of a minister. During this time, the legal norms of the state and its relations with society significantly improved. In 1870, Alexey B. Lobanov-Rostovsky received the honorary position of State-Secretary of His Imperial Majesty, that is, the emperor's personal speaker, the position he held until the end of his life. Both Emperor Alexander II and Nicholas II treated Lobanov-Rostovsky with special warmth. Lobanov-Rostovsky managed to conclude the Russian-Turkish final Peace Treaty of 1879, which put an end to the war between Russia and Turkey. This agreement gave Russia significant moral and material results and marked the beginning of the autonomous Principality of Bulgaria, that led to Bulgarian statehood. Lobanov-

Rostovsky's work as Foreign Minister for 18 months (1895–1896) brought Russia fruitful results on the world stage and was highly appreciated both in Russia and in the world. The article talks about the different sides of the prince's extraordinary personality. A true polymath, proficient in the Russian antiquity, he became a bibliophile, collector, genealogist and historian. He carefully commented on the historical documents he discovered and for 14 years (1871–1885) systematically published in special historical journals. The article examines the memoirs of contemporaries about the diplomat, as well as the latest research about him.

Keywords: Lobanov-Rostovsky, diplomat, Alexander II of Russia, Alexander III of Russia, Nicholas II of Russia, history of Russian diplomacy, diplomatic culture, philanthropy

For citation: Fedorova, E. S. (2022) 'The Diplomat, Strategist, Intelligence Officer, Historian — in the Service of Russia. Prince Alexey Borisovich Lobanov-Rostovsky', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 83–106. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-83-106>

В течение столетия имя крупнейшего российского дипломата почти не упоминалось. Его потомок, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский инициировал серию исследований о своём предке, в том числе и фундаментальную монографию «Кузнец внешней политики князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер», которую мы ожидаем в конце 2022 г. в московском издательском доме ЯСК. Потому начнём с его пояснений:

«Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский служил министром иностранных дел полтора года. За это время он получил оценку императора Николая II и общества как лучший министр иностранных дел Российской империи. Так чем же он так сильно отличился от своих коллег? Алексей Борисович, как интеллектуал, был государственным стратегом, наподобие Амира Тимура, сочетавшего возможности военной и дипломатической стратегии.

Он предпринимал реальные шаги в действительности только после того, как имел в наличии все необходимые критерии для их выполнения, и предвидя последствия этой деятельности.

Таланты его многогранны — Лобанов был и разведчиком, посланным на тайные переговоры с Наполеоном III в Париж под псевдонимом мещанина Рубинштейна, а

также был руководителем похищения болгарского архиепископа Иосифа Сокольского и его удержания в монастыре России за то, что тот собирался вовлечь Болгарию в унияство.

Князь был и генеалогом, и историком, подлинным «героем интеллектуального труда», но и человеком, равнодушным к дамскому обществу, живым и страстным.

Много полезного можно узнать, читая о жизни и деятельности этого исключительного государственного мужа, служившего на благо России!

Вниманию читателя мы предлагаем издание, материалы которого в основном публикуются впервые и которые включают:

- Воспоминания современников о разных сторонах личности и деятельности Алексея Борисовича.
- Многоаспектные исследования последних лет, посвящённые итогам и исторической оценке различных периодов в работе Лобанова-Ростовского.
- Собрание исторических публикаций Лобанова в научной периодике последней трети XIX в.¹

I. ФИГУРА МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Августовским утром 1896 г., выйдя из царского поезда, по приглашению императора Николая II подышать воздухом на станции, министр иностранных дел Рос-

¹ Архив автора.

сийской империи князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский упал и менее, чем через час, скончался.

«Одного уже единодушия сожалений, раздающихся во всех концах мира, было бы достаточно, чтобы понять значение потери, понесённой нашей страной», — пишет А. Уманский, биограф многих великих деятелей России, постоянный автор словарных статей самого полного многотомного издания биографий — словаря А.А. Половцева². В планируемом к выходу научном издании, в Разделе II, предполагается поместить «Некролог А.Б. Лобанова-Ростовского». Текст значительно выходит за рамки собственно некролога, а представляет собой систематический обзор мирового резонанса на смерть Лобанова и оценку его деятельности в отечественной и зарубежной периодике, даёт и обзор в целом расстановки международных сил и их отношений к России. Ибо Лобанов для такого анализа — уникальная фигура, столь значительная, что по откликам международного сообщества на его уход можно судить об истинной расстановке сил в современном для того момента мире. Приведём свидетельства:

«Алексей Борисович Лобанов-Ростовский принадлежал к школе тех старых бояр-дипломатов, которые с екатерининского времени сделались у нас довольно редкими. Сильные волей, знающие с детства страну свою, обогащённые разносторонним европейским образованием, опирающиеся на прочные наследственные связи, они не боялись того, что о нас скажет Европа, и сознавали, что великой стране должны неотъемлемо принадлежать великие задачи и право на великое существование в среде других европейских держав.

(...) Во время его заведывания иностранными делами «отношения держав» утратили острый характер и приняли более дружественную форму. Положение, принятое Россией в японско-китайскую войну, устранило опасность крупных стол-

кновений, а сдержанное отношение к армянским и критским делам, грозившим осложнениями всей Европе, останется памятником этой миролюбивой политики. (...)

Главное «державная воля» (...) Совершенно справедливо; но ведь исполнители державной воли бывают различны, и самые благие намерения при дурных исполнителях приводят иногда (...) хотя бы к Берлинскому трактату. (...)

Дипломатия, прежде всего, искусство и искусство очень трудное (...) князь А.Б. Лобанов был художником-дипломатом, он умел извлекать из этого искусства такие эффекты, что старый Бисмарк, внимательно следящий за всем происходящим в Европе, признал его за истинного мастера своего дела. (...)

В области славянского вопроса неизменно преследовал идею братского сближения и полной солидарности России с родственными нам по крови и по духу племенами. В этом смысле он энергично действовал на пользу благополучного завершения болгарского вопроса и способствовал тому, что сделанный Болгарией шаг к примирению был сочувственно принят Россией, и братские узы снова закрепились»³.

II. РОД ЛОБАНОВЫХ-РОСТОВСКИХ

«Лобанов-Ростовский происходил из рода удельных князей Ростовских, первым из которых был Василько, сын Владимирского великого князя Константина Всеволодовича (1185—1219). Потомок князя Василька, в восьмом колене, князь Иван Александрович Ростовский, носил прозвище Лобана и был родоначальником князей Лобановых-Ростовских. Праправнук его, князь Иван Иванович (по прозвищу *Козий Рог*), подписался на грамоте об избрании Михаила Феодоровича на царство. Старший его сын, тоже князь Иван Иванович, был боярином, а внук, князь Яков

² Уманский А.М. «Прославленные деятели». Русский министр иностранных дел князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. — Санкт-Петербург: Типолиитография М. Пайкина, 1898. — С. 7.

³ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Некролог // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — 1896. — Т LXVI. — С. 308—311.

Иванович (ум. 23 Мая 1732 г.), комнатным стольником царей Федора, Иоанна и Петра Алексеевичей, а впоследствии, майором лейб-гвардии Семёновского полка.

Этот князь Яков Иванович⁴, в первой четверти XVIII в., оставался почти единственным представителем рода князей Лобановых-Ростовских. Он был женат два раза и имел 28 детей», — так начинает своё повествование Владимир Александрович Теплов, ближайший соратник Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского — 1 секретарь русского посольства в Турции⁵.

Генеалогические связи

Алексей Борисович — потомок *старшей* ветви князей Лобановых-Ростовских. Дед Алексея Борисовича — генерал-майор Александр Иванович Лобанов-Ростовский (1754–1830). Все ныне существующие Лобановы-Ростовские — потомки Александра Ивановича.

Александр Иванович — старший сын лейб-гвардии ротмистра Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (1731–1791) и Екатерины Александровны, ур. княжны Куракиной (1735–1802).

А *дед Александра Ивановича* — назывался князь *Иван Яковлевич старший* (1687–1840) — то есть старший сын князя *Якова Ивановича* (1660–1732). Потому эта ветвь князей Лобановых-Ростовских доселе называется старшей.

Младший брат Александра Ивановича — Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838) — заметная фигура как на поле военных действий, достигший звания генерала от инфантерии (т.е. пехоты), на одну ступень ниже генерала-фельдмаршала, позволявшего его обладателю руководить крупными военными объединениями, так и государственный муж — министр юстиции, и член Государственного совета. Однажды двоюродный дед Алексея Борисовича успешно проявил дипломатический талант, за что его прозвали «Князь Мира»,

и он был награждён императором Александром I орденом Александра Невского. Любопытная родственная преемственность, военного генерала Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского в 1807 г. император Александр I посылает на дипломатические переговоры с Наполеоном I в Тильзит — и переговоры завершаются успешно. Алексей Борисович Лобанов-Ростовского через полвека, в 1856 г., император Александр II отправляет подготавливать примирение с Наполеоном III, и эти тайные переговоры увенчались успехом [Федорова, 2020: 175–183].

Отец Алексея Борисовича — Борис Александрович Лобанов-Ростовский (1794–1863) штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, позже камергер, действительный статский советник и обер-прокурор 6-го департамента Правительствующего Сената. Супруга, его, Олимпиада Михайловна, ур. Бородина, из небогатого, но старого дворянского рода.

Старший брат героя нашей книги — Михаил Борисович Лобанов-Ростовский (1819–1858) — военный, участник Кавказской и Крымских войн, но и философ, окончивший философский факультет Московского университета, публицист, посвящавший исследования вопросам экономики, политики, истории, близкий приятель М.Ю. Лермонтова, оставивший о нём воспоминания [Лобанов-Ростовский, 2010: 370–373].

«С юношеским жаром...»

«С юношеским жаром отдаваясь всем существом своим работе на пользу отчизны, князь Лобанов не щадил на то ни физических, ни духовных своих сил»⁶, — пишет Теплов. Вид холодности и замкнутости, который князь принимал на себя при посторонних, обманывал лишь недальновидных. Лобанов проявлял, — говорит В.А. Теплов, — «всегдашнюю сдержанность, ко-

⁴ Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1660–1732).

⁵ Теплов В.А. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Биографический очерк с приложением портрета и вида родового дома в Москве, исполненных гелиографией. — Санкт-Петербург: Тип. А. Бенке, 1897. — С. 1–2.

⁶ Там же, с. 85.

торая была в его характере, и от которой он отрешался не сразу, а по мере самого тщательного изучения приближавшегося к нему человека. Зато, когда его сдержанность исчезала, тогда можно было видеть, до какой степени, под внешнею холодною оболочкою, был он сердечен, добр и неизменен в своих привязанностях»⁷.

**Потомок:
Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский**

Князь Алексей Борисович Лобанов был горячей натурой и в исполнении любимых им дипломатических обязанностей, и на постах министра иностранных дел и замминистра внутренних дел во времена Великих Реформ императора Александра II, и в сердечных своих привязанностях. Не могу не заметить, что те же качества в высшей степени передались ему родственнику, геологу, общественному деятелю и меценату Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому. Всякому, кто знает его близко, ведомо, что он полон кипучей энергией, которая всегда завершается конкретным и воплощённым делом. А под маской хладнокровия скрываются глубокие чувства. Одним из предприятий Никиты Дмитриевича, которому он со всем жаром и настойчивостью содействовал и финансировал, и стало данное издание.

Скажем несколько слов об этом известном российском общественном деятеле. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский так же, как и дипломат Алексей Борисович, — потомок Александра Ивановича Лобанова-Ростовского, то есть *старших* Лобановых. Никита Дмитриевич — шестое колено от него.

Алексей Борисович — двоюродный брат прадеда Никиты Дмитриевича, ротмистра гвардии Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского (1826–1887).

Родился Никита Дмитриевич в 1935 г. в Софии. Дедушка и бабушка Лобановы-Ростовские, вынужденные бежать после революции, в 1922 г. выбрали Болгарию как православную славянскую страну (дед, И.Н. Лобанов-Ростовский, стал церковным старостой софийского собора Ал. Невско-го). В годы репрессий, в 1948 г., отец Н.Д. Ло-

банова-Ростовского был расстрелян, а его мать и он (в возрасте 11 лет) попали в тюрьму. Детство и отрочество его было полно лишений, но вопреки обстоятельствам Лобанову-Ростовскому удавалось хорошо учиться, заниматься саморазвитием; он был пионером и комсомольцем, серьёзно изучал минералогию и стал чемпионом Болгарии по плаванию в стиле брасс.

В 1953 г. с помощью дяди, Н.В. Вырубова, брата матери (доброволец армии де Голля и личный друг генерала де Голля, герой войны и кавалер высших орденов Франции), работавшего после войны в ООН, а также писателя и в то время дипломата в Болгарии Ромена Гари Лобанова-Ростовского вместе с матерью удалось переправить в Париж.

С 1954 по 1958 гг.: учеба в Оксфордском университете (специальность: геология). В 1960 г.: учеба в Колумбийском университете (магистр экономической геологии); работа преподавателем на кафедре минералогии; геологические экспедиции. С 1961 по 1963 гг.: учеба в Высшей школе бизнеса при Нью-Йоркском университете, совмещавшаяся с работой в банке. Прошёл все ступени банковского работника. В 1967 г.: помощник вице-президента компании «Пруденшиал». В 1970 г.: вице-президент и заведующий отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в «Уэллс Фарго банк». В 1987 г.: работа в алмазной компании «Де Бирс». Лобанов-Ростовский постоянно содействовал устойчивому положению СССР, помогая получать займы у тех банков, где занимал руководящие должности.

С 1954 г. Лобанов-Ростовский начал собирать русскую театральную-декорационную живопись Серебряного века, сохранив для культуры 150 имен русских художников-эмигрантов. Собрание Нины и Никиты Лобановых-Ростовских считается лучшей частной коллекцией театрально-декорационной живописи в мире.

С 1970 г. Лобанов-Ростовский постоянно дарит художественные произведения и исторические документы своему Отечеству. В России регулярно проходят выставки из его коллекции: в 1988 г. — первая выставка в Музее изобразительных искусств

имени А.С. Пушкина; последние значительные выставки в 2015–2016 гг. — «Прорыв» в Театральном музее имени А.А. Бахрушина, Москва; в 2019 г. — «К 110-летию Театрального музея Петербурга».

Среди реализованных инициатив Н.Д. Лобанова-Ростовского: Памятник героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и Памятник Народного единства в Севастополе.

Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского — в ГМИИ имени Пушкина, РГАЛИ, Доме русского зарубежья, Музее Цветаевой, Музее личных коллекций, Театральном музее Бахрушина в Москве, Театральном музее в Петербурге, Резиденции российского посла в Париже, Резиденции Посольства РФ в Лондоне, Музее-заповеднике «Ростовский кремль» и пр. За рубежом на мировых аукционах и в музеях Лобанов-Ростовский известен как видный пропагандист русского искусства, в частности является пожизненным членом Метрополитен-музея. В 2015 г. он стал почётным академиком Российской академии художеств. А с 2003 г. Лобанов-Ростовский — сооснователь Международного совета российских соотечественников, долгие годы — первый заместитель председателя совета; ныне действительный член совета. Истории поразительных поворотов судьбы князя, его воспоминания, статьи, интервью с ним Никита Дмитриевич публикует в цикле хроник «Рюрикович» [Лобанов-Ростовский, 2015, 2017, 2020].

Судьба родового московского дома Алексея Борисовича

Алексей Борисович Лобанов-Ростовский родился в Москве, в «доме славянофила Хомякова», который купил отец дипломата, — это дом № 7 на Собачьей площадке. И дома, и Собачьей площадки, к глубокому огорчению москвичей, уже не существует. Ныне на этом месте проходит Новый Арбат. О московском детстве и формировании ин-

тересов и вкусов Алексея Борисовича рассказано в очерке самого близкого ему сотрудника и единомышленника, дипломата, историка и публициста Владимира Александровича Теплова⁸. Обращаем внимание читателя на Раздел II готовящегося «Современники о А.Б. Лобанове-Ростовском». Должны добавить, что в 1920–1929-е гг. в доме на Собачьей площадке располагался музей «Дом дворянского быта 1840-х гг.». Видимо, ещё хорошо сохранялась обстановка и дух частной дворянской жизни, так что в 1929 г. ревизионная комиссия вынесла решение: впечатление от высоко культурной жизни этих людей «подавляет» отрицательное отношение к дворянству. Музей закрыли, директора арестовали. Но дом удивительным образом вновь стал приютом высокого искусства — его передали Музыкальному училищу имени Гнесиных⁹.

III ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В XX в. Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896) почти не вспоминали, в научных исследованиях упоминали считанные разы. На исходе первого десятилетия XXI в. стали появляться публикации, где ему было посвящено несколько страниц [Романюк, 2009].

В 2010 г. вышла книга Н.Д. Лобанова-Ростовского «Эпоха. Судьба. Коллекция», куда — среди других историй о его предках — впервые вошли сведения о деятельности и личности А.Б. Лобанова-Ростовского [Лобанов-Ростовский, 2010: 374–378].

Этапы карьеры

Алексей Лобанов стал «выпускником Царскосельского лицея со второю [малой] золотой медалью»¹⁰. Надо отметить, что к концу его обучения лицей переехал из Царского села в Петербург и стал называться Александровский, так что формально А.Б. закончил последний.

Несомненно, князь занимает почётное

⁷ Там же, с. 88.

⁸ Там же, с. 3–4.

⁹ Хорватова Е. Гибель Собачьей площадки // Livejournal. — 2013. — 27 окт. — URL: <https://eho-2013.livejournal.com/179334.html>

¹⁰ Теплов, с. 5.

место в ряду самых замечательных государственных деятелей России, управлявших Министерством иностранных дел. В возрасте всего лишь 35 лет он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе (1859–1863 гг.). И, как утверждали его биографы-современники, на протяжении всей службы Лобанова его посылали в самые острые и тревожные «дипломатические точки».

После перерыва, о котором расскажем ниже, Лобанов был назначен гражданским губернатором г. Орла (1866–1867). Затем в течение 11 лет Алексей Борисович был товарищем (заместителем) министра иностранных дел, иногда исполняя и должность министра (1867–1878). Надо отметить, что и это поприще в эпоху т.н. «Великих реформ» в царствование императора Александра II было столь же «острой точкой», в результате них значительно расширились рамки развития капитализма и изменились в лучшую сторону правовые нормы государства и его взаимоотношения с обществом. Алексей Борисович занимался преимущественно реформой «следственной части», губернских учреждений и городского устройства.

Затем Лобанов служил Чрезвычайным и Полномочным Послом в Константинополе (1878–1879 гг.), Лондоне (1879–1882 гг.) и Вене (1882–1895). 26 февраля (10 марта) 1895 г. был призван Императором Николаем II на пост министра иностранных дел.

Итак, министр иностранных дел (1895–1896); камергер; сенатор; действительный тайный советник, статс-секретарь.

Статс-секретарь.

Особые взаимоотношения с царской семьей

Задолго до поста министра, в 1870 г., Алексей Борисович получает почётную должность «статс-секретаря Его Императорского Величества», то есть личного докладчика императора, которой обладал во-

все не каждый министр, а очень немногие. Статс-секретарём назначались только по личному «высочайшему усмотрению» государя. Эта должность предполагала личные взаимоотношения с императором, да и с царской семьей. И император Александр II, и Николай II с особым теплом относились к Лобанову-Ростовскому. Несмотря на проiski завистников вполне оценивал дарования Лобанова и император Александр III, благодаря его искусству дипломатии, «наперекор старым преданиям, сблизился с республиканскою Францией, установив с нею дружественный связи»¹¹.

Но с особым, мы бы сказали, семейным теплом, относился к Лобанову император Николай II, чему мы имеем свидетельства. Он ставил внезапную смерть Лобанова в ряду своих самых крупных роковых неудач, как считал государственный деятель, губернатор, и сенатор, впоследствии эмигрант Петр Стремухов: «— Что Вы хотите, господин посол, мы русские и, следовательно, суеверны. Но разве не очевидно, что Государь предопределён для катастроф?»

Затем Н. перечисляет все неудачи, преследовавшие Государя: Ходынка, утопающий на его глазах в Киеве пароход с тремястами зрителей, *смерть в его поезде любимого министра Лобанова*. Желая иметь Наследника, он последовательно имеет четырёх дочерей, а когда, наконец, Наследник появляется на свет, то он оказывается больным неизлечимым недугом» [Стремухов, 2017: 315].

О печали августейшей семьи сообщает и министр финансов С.Ю. Витте, называя уход Лобанова «роковым» и полагая, что не случилось его, Лобанов «не допустил бы многих событий в нашей политике, которые так плачевно окончились»¹². И это при том, что отношения между Витте и Лобановым нельзя было назвать безоблачными.

Через 2 дня после внезапной смерти Лобанова, случившейся 18 августа по ст.ст. в поезде на пути в Киев, 20 августа по ст.ст. произошло освящение Владимирско-

¹¹ Там же, с. 55.

¹² Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 3 т. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 462.

го собора в Киеве. Художник Нестеров пишет:

«На другой день в 9 ч. мы были в соборе. К 10 ч. приехал митрополит, вел. князья, министры и проч. Ровно в 10 звон колоколов оповестил о прибытии государя и государыни. Они прошли в предшестве Владыки. Государь грустный и бледный, грустна была и государыня. Она, говорят, много плакала перед тем по кн. Лобановой-Рост[овской]; а государь будто бы сказал: «Не везёт мне!»»¹³.

В данном контексте расшифровка записи художника Нестерова выглядит безусловной опечаткой. Конечно, следует читать: *по кн. Лобанову-Рост[овскому]*. К тому же в августе 1896 г. никакая Лобанова-Ростовская не ушла из жизни.

В связи с трауром царской семьи по Лобанову иллюминацию в честь приезда государя в Киев отменили, как сообщает В.А. Теплов¹⁴.

Приведём ещё мнение князя Дм.Дм. Оболенского, предводителя дворянства и шталмейстера двора Александра II, писавшего в эмиграции интересные исследования об эпохе имп. Николая II.

«Состав русского правительства вовсе не был плохим при Николае II, и в общем выдающихся сотрудников он находить умел. Русское правительство при нём было не хуже, чем при его предшественниках, и часто лучше, чем в западноевропейских государствах с их парламентаризмом или без парламентаризма. *Такие министры иностранных дел, как кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский, встречаются не каждый день, им завидовали и в Англии, и во Франции, и в Германии. Их политика была удачной, иногда даже блестящей...*» [Оболенский, 2017: 119].

Войну с Японией неизменно и до сих пор ставят на счёт Николаю II, утверждая, что он является её виновником. Так пишется история. Можно и в самом деле поду-

мать, что Россия объявила войну Японии, по крайней мере послала в своё время вызов. Между тем, как известно: Япония бросилась на Азиатский материк ещё в 1894 г., за десять лет до войны с Россией напад на беззащитный Китай, захватив Корею и Квантунг и создавая угрозу нашему, тогда вовсе беззащитному Дальнему Востоку. Могла ли Россия остаться к этому безучастной? Россия выступила против Японии и выступила не одна, но в союзе с Францией и Германией (при противодействии Англии). *Этот союз также был идеей Императора Николая II. В то время он имел у себя блестящего помощника — министра иностранных дел кн. Лобанова-Ростовского, сменившего бесцветного Н.К. Гирса. Князь Лобанов сумел объединить, казалось, не объединимое: Германию с Францией, и направить это объединение на пользу России. Соединенный флот (под командой русского адмирала) принудил Японию (без объявления ей войны и без боевых действий) прекратить войну с Китаем и пойти на уступки. Японию не допустили тогда на материк. Ей пришлось удовольствоваться островом Формозой и контрибуцией (с Китая)»* [Оболенский, 2017: 149].

Впервые публикуем единственное систематическое исследование

И.С. Кушнарева

Единственное систематическое исследование 2008 г., всесторонне охватывающее деятельность дипломата, до настоящего издания существовало «на правах рукописи», как диссертационное сочинение¹⁵. Оно написано в жанре «научная биография»

Привлекая обширный корпус разнообразных документальных свидетельств, в том числе, архивы МИД, исследователь убедительно показывает достижения дипломата, заполняя «пустые страницы» историческим документальным материа-

¹³ Нестеров М.В. Письмо А.А. Турыгину от 28 августа 1896 г. // М.В. Нестеров. Письма. — Москва: Искусство, 1988. — С. 145.

¹⁴ Теплов, с. 96.

¹⁵ Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского: 1844-1896 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Кушнарев Иван Сергеевич; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. — Саратов, 2008. — 247 с.

лом, впервые представленным, и конкретно иллюстрируя, какие черты личности и характера дипломата способствовали успешному решению сложных вопросов. В этом смысле исследование можно назвать учебным пособием для современных дипломатов.

Окончательный мирный договор 1879 г. разработал и подписал со стороны России А.Б. Лобанов-Ростовский

До сих пор остаётся малоизвестной деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского по заключению окончательного Русско-турецкого мирного договора 1879 г. Этот договор дал России значительные моральные и материальные результаты. Также договор положил начало автономному княжеству Болгарскому, то есть дал жизнь болгарской государственности.

Особое место в данном издании, Раздел III, уделяем до сих пор замалчиваемой роли А.Б. Лобанова-Ростовского в успешном подписании окончательного Константинопольского мирного договора с Турцией, в результате чего образовалось независимое болгарское государство.

Издание «Всемирная иллюстрация», в 1878 г. посвятив дипломату очерк и опубликовав его портрет, писало:

«В первое своё пребывание в Константинополе князь Лобанов-Ростовский отличался *примирительным образом действий* и умел заслужить общее расположение, а потому в дипломатических кружках надеются, что назначение его послом в Константинополь будет способствовать сближению России с Портою»¹⁶.

Н.Д. Лобанов-Ростовский инициировал дискуссию по поводу роли окончательного мирного договора с Турцией в Доме русского зарубежья¹⁷. Свои соображения высказали историки, общественные деятели, журналисты, как с российской, так и болгарской стороны (в частности, Румен Пет-

ков, председатель партии «Альтернатива болгарского возрождения»). Дискуссии посвящён III Раздел будущей книги, где будет опубликован и полный текст договора.

Н.Д. Лобанов пишет:

«Война 1877–1878 гг. между Россией и Турцией — явление большого международного значения. Она, во-первых, велась из-за восточного вопроса, тогда чуть ли не самого взрывоопасного из вопросов мировой политики, и, во-вторых, завершилась европейским конгрессом, который переключил политическую карту в регионе, тогда едва ли не самом «горячем», в «пороховом погребе» Европы, как говорили о нём дипломаты.

Война была вызвана подъёмом национально-освободительного движения на Балканах и обострением в связи с этим международных противоречий. Результатом войны стало освобождение балканских народов от Османского владычества, обретение независимости Сербией, Румынией, Черногорией, формирование болгарской государственности.

Эта война стоила России 140 000 убитых и 60 000 раненых. Зато 140 лет тому назад была заложена основа современной Болгарии...

80 лет тому назад я пел эту песню в детской школе в Болгарии.

От Черного моря до озера Охрид

От Дуная до Эгейского моря

Проживает единый народ.

Эти слова из текста Сан-Стефанского мирного договора (13.02.1878), который был подписан через три недели после соглашения о прекращении огня 19-го января. Этот договор был неприемлем для Англии из-за того, что он давал России влияние на берегах Босфора и Дарданелл. Англия потребовала встречи в Лондоне 18-го мая 1878 г. для обсуждения договора. В результате Сан-Стефанский договор был сильно изменён, включая потерю Болга-

¹⁶ Князь А.Б. Лобанов-Ростовский, русский посол при турецком дворе // Всемирная иллюстрация. — 1878. — 3 июн. (№ 491). — С. 1.

¹⁷ Константинопольский мирный договор 1879 г. Круглый стол к 140-летию заключения Константинопольского мирного договора. Дом русского зарубежья. Москва. 8 февраля 2019 г. Публикация Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон, апрель 2019.

рией две трети своей намеченной территории.

Соглашение между Россией и Англией вошло в обсуждение на Берлинском конгрессе (июнь – июль 1878 г.). Спустя 8 месяцев (08.02.1879) был подписан Константинопольский мирный договор. За Россию подписал мой родственник Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, который был в 1878–1879 гг. чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе при султанах Абдул-Хамиде II, с турецкой стороны договор был подписан оттоманским министром иностранных дел Александром Каратеодори-пашой и Али-пашой, министром, председательствующим в Государственном совете.

На основании этого договора было основано автономное Княжество Болгария и 16 апреля 1879 г. была создана первая болгарская конституция.

Заслуга Лобанова-Ростовского заключается в том, что он успешно провёл переговоры в пользу болгар по выработке договора. Он включил в него статьи, которые не подлежали рассмотрению на Берлинском конгрессе 1878 г. Он также закрепил замену условий Берлинского трактата статьями Сан-Стефановского договора (1878), которые были отменены и заменены на Берлинском конгрессе. Ему это удалось, ибо он пользовался доверием и уважением султана Абдул-Хамида, основанные на их близкой дружбе, установленной во те времена, когда Абдул-Хамид был престолонаследником, а Лобанов-Ростовский — молодым послом в Константинополе»¹⁸.

IV ЛИЧНОСТЬ И УВЛЕЧЕНИЯ

Искусство и полнота жизни

Известно, что Алексей Лобанов с юных лет проявлял артистические способности и участвовал в лицейских театральных постановках [Кобеко, 2008: 339]. Однаж-

ды актёрское дарование прямо помогло достигнуть успеха в тайных переговорах с Францией, когда Лобанову удалось органично войти в роль — в качестве «нелегала-переговорщика» проникнув в страну в обличье «мещанина»:

«Выдающиеся способности молодого дипломата были замечены, и об нём составилось столь выгодное мнение, что когда после Крымской кампании в 1856 г. стали обнаруживаться признаки желания императора Наполеона¹⁹ примириться с Россией, князь Алексей Борисович был послан с секретным поручением в Париж, куда он приехал под именем мещанина Рубинштейна, и вместе с Саксонским графом Зеебахом вёл тайные предварительные переговоры о мире, чем подготовил почву к окончательному соглашению»²⁰.

С воодушевлением относился князь к истории угасших родов, к сохранению памяти о старинных дворянских семействах, вылившаяся в генеалогические этюды.

Выработав в себе привычку к сосредоточенным каждодневным занятиям — служебным или научным, Лобанов обладал и «умением жить», часто посещал художественные выставки, антикварные салоны, домашние спектакли, слушал итальянскую музыку, цыганское пение, любил присутствовать в собраниях, посвящённых старине, и вёл оживлённые беседы, ей посвящённые, поражая собеседников эрудицией и пониманием сущности явлений. Наконец, участвовал в медвежьей охоте или любил отдыхать на курортах Франции. Он умел любить и дружить. Как известно, всё бросил к ногам возлюбленной, решительно пойдя на грандиозный скандал ради чувства к жене французского посла в Турции Жюльетт де Буркне. Алексей Борисович, как оказалось, обладал достоинством и твёрдостью принять поворот судьбы — вспыхнувшее обоюдное чувство, умел оградить и уважать свою личную жизнь в

¹⁸ Кузнец внешней политики князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер». — Москва: Изд. Дом ЯСК, 2022. (Рукопись).

¹⁹ Наполеон III, Шарль Луи (1808–1873), племянник Наполеона, первый президент Второй Французской республики и последний монарх Франции — Второй империи.

²⁰ Теплов, с. 6.

той же мере, в какой имел силу воли и профессиональную честь, чтобы успешно отстаивать интересы Отечества. Счастливые влюблённые провели три года в уединённой вилле Лобанова во Франции. А затем её постигла ранняя смерть.

Потеряв Жюльетт, Лобанов не предал своё чувство и этот странный период своей жизни вспоминал благодарно. Забегая вперед, скажем — прожил он, начиная с бегства с возлюбленной, случившееся в 1863 г., «тридцать лет и три года». Три года было отмерено Алексею Борисовичу дышать радостью любви, а тридцать затем — вновь служить, служить, служить. Он увлекался, заводил романы, по некоторым сведениям, имел дочь от возлюбленной-француженки. Но узам брака он ни с кем не соединялся, жил холостяком...

Лобанов был в дружеских отношениях не только с замкнутым дипломатическим или аристократическим обществом, но и с художественной богемой. Неудивительны его дружественные отношения с людьми из совершенно разных кругов — от вел. Князя Владимира Александровича до писателя и секретаря Общества поощрения художеств Дмитрия Григоровича, автора «Гуттаперчевого мальчика», или критика Владимира Стасова, историка искусства и архивиста, человека весьма передовых взглядов на искусство того времени. Так, Стасов пишет художнику В.В. Верещагину:

«У меня был на этих днях Ваш брат Сергей раза 2, и потом уехал в Вологду, а сегодня утром я уже исполнил его желание и послал ему туда, *poste-restante*, рекомендацию к обоим губернаторам: вологодскому и архангельскому — *и притом рекомендацию очень хорошую, от товарища министра внутренних дел кн. Лобанова-Ростовского, моего хорошего знакомого*»²¹.

Князь хорошо разбирался в разнообразных вопросах. Так, например, в бытность свою заместителем министра внутренних дел ему пришлось разбираться с проблемой сектантства в России, весьма сложной,

небезопасной для настроений в обществе и имевшей глубокие корни в мировоззрении разных слоёв общества.

Или, его постоянное взаимодействие с предметами искусства заставило его так же хорошо представлять себе структуру, классификацию и особенности памятников искусства:

«В 1876 г. была образована особая комиссия при Министерстве народного просвещения для обсуждения и доработки проекта II Археологического съезда [по классификации памятников]. В её состав под *председательством товарища министра внутренних дел А.Б. Лобанова-Ростовского* вошли представители императорских академий (художеств и наук), «Известий Археологической Комиссии» и Синода»²².

Словом, князь умел жить разносторонней и полной разнообразных впечатлений жизнью, в любой сфере, к которой оказывался причастен, проявляя активное действие, при всей склонности к созерцательности исторического прошлого.

V. ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННИКОВ. ФОРМУЛА ЛОБАНОВА

Раздел II нашего издания, как упомянуто, представляет собой собрание мнений современников о личности и деятельности Лобанова. Государственный секретарь А.А. Половцов даёт «формулу» поведения Лобанова-дипломата: «весел, радушен, ровен и твёрд в отношениях» [Половцов, 2005а: 323]. С Половцовым Лобанова связывают самые близкие и непринуждённые отношения, когда возможно уехать самому, оставив гостя у себя дома: «1887 г. 24 марта. Уезжаю в Париж, оставляя у себя гостить Лобанова» [Половцов, 2005b: 49].

Половцова интересует внутренний мир Лобанова и образ его мыслей. «1883 г. 24 мая. Вторник. Продолжительный разговор с Лобановым о том грустном положении, в котором находится управление нашими

²¹ Стасов В.В. — В.В. Верещагину. СПб, Надеждинск[ая], 9; 3 июля [18]76. // Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. 1874 — 1878. / Под. ред. А.К. Лебедева. — Москва: ГИЗ «Искусство», 1950. — С. 119.

²² Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв. — Москва, 1978. — С. 101.

внутренними и внешними делами. Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай бог грозу, не знаешь, что произойдет» [Половцов, 2005a: 108].

Как современно звучат эти слова сегодня. Несомненно, Лобанову была присуща смелость и независимость суждений, трезвый взгляд на окружение и двор, только высказывать он себе позволял это в кругу доверенных лиц, к которому, бесспорно, принадлежал Половцов, например: «1886 г. 16 марта. Завтракаю у Гагариных с Лобановым и Паленом. Воспоминания о прошедшем, и, разумеется, не в пользу настоящего. Поголовное нерасположение к Победоносцеву, обвиняемому в узкости взглядов, мелкоте поповских предвзятых страстишек...» [Половцов, 2005a: 441].

Лобанов предстаёт внутренне независимым человеком, упрямо проводящим свою линию, умевшим быть объективным при личной неприязни. Так, (1888 г. 18 марта), князь «очень недоволен ходом дел в нашем Министерстве иностранных дел, говорит, что если бы мы в болгарском вопросе стали (год тому назад) на ту точку, на которой стоим теперь, то не было бы никакого болгарского вопроса. Беда в том, что Гирс по своей бесхарактерности не пользуется никаким авторитетом в глазах государя. Лобанов при отсутствии всякой симпатии к берлинскому послу Шувалову сознаётся, что его назначение министром иностранных дел принесло бы пользу делу» [Половцов, 2005b: 99].

Считая роль императрицы Марии Федоровны в политике пагубной, он высказывал мнение о ней ближайшим друзьям, которым доверял, резко и прямо: «1889 г. 3 апреля. В 8 час. концерт окончился, и все отправились в так называемую арсенальную залу, где был накрыт стол на сорок приборов. Лобанов как старший сидел по правую руку императрицы, от коей не слышал ни единого путного слова. Какая глупая, бездарная женщина!» [Половцов, 2005b: 194].

Лобанов не боялся писать «неприятных» докладов: «1891 г. 29 ноября. О моём

друге Лобанове отзыв такой, что он опустился, равнодушен, ничего серьёзного не пишет. Я мог бы на это отвечать, что Лобанов не пишет, потому что, по его мнению, не стоит писать Гирсу, который никогда дельного слова не ответит.

Спрашиваю Шишкина, каким порядком составляются те выписки из иностранных газет, кои представляются государю. Ответ: «Занимающийся этим человек имеет от Гирса приказание не помещать ничего неприятного для государя для того, чтобы он не был в дурном расположении духа в те дни, когда Гирс имеет у государя всеподданнейший доклад» [Половцов, 2005b: 194].

Половцов уважал Лобанова прежде всего за то, что он не относится к чиновникам, «кои под внешним образованием имеют одну лишь заботу — устройство своих делишек всякого рода» [Половцов, 2005b: 473]. А также за его хорошее воспитание и умение держать себя так, что в любой стране к нему возникает симпатия высших особ: «1892 г. 8 апреля. Обед у Абазы в честь Лобанова. Обеды эти повторяются ежегодно, но участники в них всё сокращаются числом. На этот раз обедают Тимашев, Убри, Балашев, а из новых людей появляется Дурново, бывший плохим губернатором в те годы, когда Лобанов управлял Министерством внутренних дел. Из новых людей, во власти обретающихся, этот ещё может быть принят в обществе людей благовоспитанных, но у Филиппова, Витте, Вышнеградского, Островского такие ухватки, что их и в дворницкую еле пустить можно». [Половцов, 2005b: 474].

Теплов описывает жизнь Лобанова со знанием дела, у него не взгляд издалека, как у Карцова, который, видимо, в существо дел посвящён не был, и о воспоминаниях которого ниже, а взгляд очевидца. Именно Теплов, как первый секретарь посольства в 1878–1879 гг., привез в Петербург для ратификации окончательный русско-турецкий мирный договор, подписанный князем Лобановым. Его воспоминания, поэтому, обладают наибольшей ценностью. И надо сказать, что Теплов, при всём очевидном восхищении князем, вполне объективно рассматривает особенности его историче-

ских заметок, отмечая как скрупулезность, так и сухость, и необработанность до конца материалов. Надо отметить, что его воспоминания о князе Лобанове мы впервые публикуем — спустя 125 лет после первой публикации.

Почему мы в Разделе II среди других помещаем воспоминания явного антогониста Лобанова — Карцова? Взгляды этого человека, крайнего консерватора, кажутся нам предосудительными, недаром он был членом «Союза Михаила Архангела», как мы знаем, черносотенной организации. Он и вообще осуждал гибкую политику взаимодействия России с другими странами и культурами, считая, что призвание России — держаться обособленно. И поэтому, в частности, не мог приязненно относиться к успехам дипломатии Лобанова в сближении с Болгарией. Мы получаем подтверждение из уст близкого сотрудника Лобанова В.А. Теплова, почему мемуар Карцова выстроен не без негативного подтекста:

«Назначение князя Лобанова министром вызвало в своё время беспокойство партии славянофилов, опасавшихся, что, под влиянием долгого пребывания в чужих краях, он совершенно поддастся западноевропейским взглядам на Славянский вопрос.

Не будучи славянофилом в общепринятом смысле, подразумевающим скорее задорный, наступательный характер, князь Лобанов ценил дружественные сношения со всеми славянскими народностями; но, будучи прежде всего истинно русским человеком, во всём и всегда ставил он на первый план интересы России, не забывая, что если и славяне имеют значение для России, то в тысячу крат большее значение имеет для славян сама Россия, одним фактом своего существования прикрывающая, как мощным щитом, самостоятельное развитие славянских народностей; ослабление же её неминуемо отразилось бы неблаго-

приятно на политических судьбах Славянства вообще»²³.

Карцов изощренно выстраивает свои воспоминания так, что нелцеприятные высказывания в адрес Лобанова он вкладывает в уста других людей. Карцов пытается обрисовать все недостатки князя. И высветить только их. В вину Лобанову ставится даже то, что его привлекали дамы, близкие ему по возрасту, а не молодые девицы. Это выглядит чрезмерным и неуместным для «дипломатических» воспоминаний. Но и название книги Карцова демонстрирует лукавство — «воспоминания политические и личные». Решительно всё не устраивает Карцова в Лобанове, ни его коллекционерство, ни его любовь к исторической детали и факту. Он ставит ему в упрёк даже то, что является главной целью дипломатии — «поддержание добрых отношений с державами запада и, конечно, на первом плане: с Австро-Венгрией и Германией»²⁴ или личную симпатию к первому князю автономной Болгарии, князю Александру Баттенбергу, и то, что последний высказывался о Алексее Борисовиче так же благосклонно: «Князь Лобанов это положительно перл русской дипломатии»²⁵. Во всех этих упреках Лобанову — скрытый намёк к якобы излишней приверженности Западу, что лаконично опровергает Владимир Александрович Теплов:

«Пребывание же его в те годы, когда ум отличается наибольшею впечатлительностью, в Москве с её памятниками седой древности, с её истинно русским духом, наваяло на него страсть к нашему историческому прошлому, заложило в нём прочное основание сознательной любви к своему отечеству. Он гордился быть русским, и это чувство нисколько не ослабело в нём потом, ни под влиянием широкой европейской образованности, ни от долговременного пребывания в чужих краях»²⁶.

²³ Теплов, с. 53.

²⁴ Карцов Ю. Семь лет на Ближнем востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. — Санкт-Петербург: Экономическая типолитография, 1906. — С. 12.

²⁵ Там же, с. 11.

²⁶ Теплов, с. 4.

Мемуарист Карцов допускает даже мало значимые непроверенные слухи, вложив в уста своих собеседников, как-то: что мать Лобанова была купчихой, оттого, мол, подчёркнутое высокомерие князя. На самом деле, мать его О.М. Бородина была из обедневшего, но вполне древнего дворянского рода. Или он утверждает явную ложь, например, что Александр III Лобанову не доверял и не быть бы ему министром, если бы не смерть императора. Это опровергается тем, что император предупреждал Лобанова, отправив его послом, что это последнее его пребывание за границей, ибо следующий его пост — министр иностранных дел, сообщает В.А. Теплов. И продолжает: сам Алексей Борисович «неоднократно называл себя лишь продолжателем политики Александра III»²⁷.

Итак, «отрицательный» портрет написан. И что же мы видим? — при всем желании даже у недоброжелателя Карцова не получилось выдать из тюбика своего яда ничего серьёзного, что бы могло опорочить фигуру князя-дипломата, кроме обычных житейских слабостей, присущих любому человеку. Например, «Человек тщеславный и snob от головы до ног»²⁸.

Лобанов умел быть разным. Как дипломат Карцов не мог не понимать, что сдержанность, замкнутость и отстранённость — необходимые качества для дипломата, если угодно, маска. Его холодность, нежелание пустить ни одного даже русского странствующего в стены русского посольства в Константинополе диктовалась осторожностью. Ибо, как пишет 1-й секретарь посольства Теплов: «Положение Русского посла в Царьграде и в обычное время крайне тяжелое, боевое. Город этот служит центром скрещивающихся всевозможных интриг иностранных представителей, все свои старания направляющих к противодействию или даже к искоренению русского влияния на Порту и к стремлению увлечь Турцию в Западноевропейскую орбиту, заполучив, конечно, в собствен-

ную пользу львиную часть всех выгод... и против такого-то единодушного натиска должен бороться русский представитель, почти всегда одинокий, никем не поддерживаемый. В то же время, он должен преодолевать ухищрения уклончивой и двоедушной политики Порты, самую свою слабость осуждённой на постоянный увёртки, в надежде, что никогда не прекращающееся взаимное соперничество между державами даст ей возможность как-нибудь ускользнуть от исполнения своих обязательств, на которые она так щедра на словах и даже на бумаге. При таких условиях, защита наших интересов в Турции и преследование наших исконных целей на Востоке, в связи с заботами, вытекающими из нашего, освящённого веками, покровительства единоверцам и единоплеменникам, налагают на русского посла при Султане тяжкое бремя и требуют неослабного и крайнего напряжения всех умственных сил»²⁹.

Подобные мемуары противников, как Карцов, действуют наоборот. Наполненные негативными мелочами, они показывают, что мелочи — это и есть всё, что за душой мемуариста. Таким образом, утверждают в целом положительную оценку исторической фигуры Лобанова. Зато у нас есть живой образ князя, возможность вообразить себе эту своеобразную и уникальную личность, не оставяя среди безликих фигур в истории дипломатии.

Но даже Карцов не мог не признать успехов Лобанова в заключении Константинопольского мирного договора, подсознательно точно воспроизводя единственно возможную и правильную политику Лобанова: «Он не тормозил турок, как это делали другие послы, не возбуждал новых вопросов, а держался главных линий данных ему инструкций. Такою манерою приобрёл он расположение Султана Абдул-Гамида, как ни один посол, ни до, ни после него». Но как Карцов её своеобразно объясняет? Не дипломатическим умом и опыт-

²⁷ Там же, с. 55.

²⁸ Карцов, с. 175.

²⁹ Теплов, с.24–25.

ностью посла, а — «По своему ленивому индифферентному характеру, князь Лобанов как раз отвечал всеобщей потребности замирения»³⁰.

О, зависть, смешанная с чувством недосягаемости князя! Это явственно прорывается во фразе, когда увидел, в каком порядке следовала царская семья и кто был наиболее приближён: «ближайшие родственники Царя, а за ними, князь Лобанов и прочие *dii minores*³¹...»³².

На это мнение Карцова исчерпывающе ответил Теплов, назвав Лобанова «человеком, умевшим лишь распределять свой день, причём работа служебного характера чередовалась с научными занятиями»³³. Он отмечает: «ничто не было так противно складу его характера, как вмешиваться в мелочи: для главы посольства или министерства нужно, по его понятию сохранять за собою лишь общее руководство, намечать лишь главные штрихи, дающие ясное понятие об основной идее, которая никогда не должна теряться из виду; раскраска же фона и выписка деталей — это не дело министра, так как, поступая иначе, он неминуемо потонет в море подробностей и, из пристрастия к второстепенному упустит главное...»³⁴.

Мелководье мысли Карцова, приправленное недоброжелательностью, лишь оттеняют взгляд В.А. Теплова на те же события: «По окончании Русско-турецкой войны и восстановлении сношений с Портою, необходимо было послать в Константинополь опытного дипломата, в тонкости знакомого с Востоком и с особенностями дипломатической там деятельности, который в состоянии был бы распутать несколько узлов, составлявших наследие минувшей войны, изменившей все прежние соотношения как между Турцией и соседними с нею государствами, так и между народностями, населяющими Балканский

полуостров, где частью окончательно освободились, частью возникли новые политические организмы, со своими обособленными стремлениями. Для согласования всего этого с видами России требовалось воздействие мягкое по форме, но твёрдое по существу»³⁵.

Впрочем, и в некоторых других абсолютно положительных достижениях дипломатического искусства Лобанова Карцов ухитряется бездоказательно менять плюс на минус. Но при всей неприязни, сквозящей в очерке, Карцов находит в себе силы дать очень высокую оценку Лобанову-министру, подчеркнуть силу характера, «калибр», как он пишет, личности, достойной должности, неподкупность, утверждая князя «звездой первой величины» на дипломатическом небосклоне, — как Карцов имел обыкновение, не своими, а устами А.И. Нелидова. Замечает и что другие сотрудники посольства, которые ранее вели роскошную жизнь, при Лобанове «в своих расходах» вынуждены были «сократиться»³⁶. А было с кем сравнивать твердость Лобанова. А.А. Половцев в дневнике пишет: «Вечер с Лобановым, который захворал. Гирс не имеет мужества даже на то, чтобы показывать государю депеши Лобанова, когда они выражаются смело» [Половцев, 2005а: 98–99].

VI. ИСТОРИК

Генеалог, библиофил, коллекционер

Лобанов растёт в среде московских вельмож, увлекается их рассказами о старине, записывает их с детства. XVIII в. и эпоха императора Павла особенно вызывают у него интерес, его предки играли при дворе той эпохи видные роли. Так, дядя его прабабушки Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской, ур. княжны Куракиной — граф Никита Панин — наставник

³⁰ Карцов, с. 9–10.

³¹ Младшие боги, лат.

³² Карцов, с. 237.

³³ Теплов, с. 54.

³⁴ Там же, с. 53–54.

³⁵ Там же, с. 23.

³⁶ Карцов, с. 30.

и воспитатель вел. князя Павла Петровича, отец же Екатерины Александровны, князь Александр Борисович Куракин был в силе при царице Анне Иоанновне. Лобанов начинает интересоваться родословными, их родственными переплетениями, ролью этих родов в стране и в мировых событиях. Он предается «уяснению родовых отношений высшего русского дворянства» потому, что оно «в то время играло первенствующую роль в политической и культурной жизни России»³⁷, — как пишет В.А. Теплов.

Несколько статей Лобанова в «Русском архиве» и «Русской старине», приведенных в нашем издании в будущем издании, демонстрируют тщательность генеалогической росписи Лобанова. Сказалось и благородство натуры Лобанова, он посвящал себя изучению угасших родов и для того, чтобы оставить память о тех, кого уже с нами не будет никогда. Желание выяснять родственные связи — характерная черта российского дворянства, особенно московского, дожившее даже до наших дней у сохранившихся по всему миру потомков. Думается, Алексей Борисович бескорыстно любил это занятие, был к нему душевно привязан — к византийской вязи бесконечных фамильных переплетений. Это было столь коренной привычкой дворянского бытия, что поэт Алексей Апухтин посвятил шуточное, пародийное, но в целом соответствующее правде стихотворение, в своё время очень известное и популярное; из уст в уста, как присказка, передавались первое и последнее четверостишие:

Иван Иванович Фандерфлит
Женат на тетке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова...

И справками, в конце концов,
Одна лишь истина добыта:
Иван Иванович Воронцов
Женат на тетке Фандерфлита (1902 г.)

С такой же любовью собирал Алексей Борисович сведения о старинных родах торговых и промышленных, буквально по лоскуткам, ибо данных о них было гораздо меньше, чем о дворянских фамилиях. И не может сдержать исследовательской радости: «Я до того благодарен доброй старушке за генеалогические сведения, которые она нам передаёт, что готов ей верить во всём на слово и не справляться с канцелярским хламом...»³⁸.

История и современное общество

Не в последнюю очередь занятия историей, способность «жить среди фактов седой старины» воспитали в дипломате глубокое видение общественных событий современности. В силу понимания их последствий он занимал по отношению к текущему дню активную позицию и стремился укреплять позиции российского дворянства. В 1873 и в 1875 гг. Лобанов издает труд в 2-х томах «Русская родословная книга». Мы предлагаем читателю в V разделе настоящей публикации подробное исследование Антона Сергеева о генеалогических этюдах Лобанова.

Итак, из детской любви к истории вырастает интерес к книге, к генеалогии и геральдике, наконец, к коллекционированию не только печатных изданий, но и рукописей, портретов, монет.

Нумизматическая коллекция князя

Нельзя не упомянуть о Лобанове как о знатоке монет, собравшем значительную их коллекцию, особенно в бытность свою в Константинополе. Специалисты называют «восточную коллекцию» (2000 монет) князя «одним из наиболее значительных нумизматических собраний» в этой области. Оно было приобретено Эрмитажем у наследников через год после смерти министра. В коллекции были русские и византийские редчайшие экземпляры. В

³⁷ Теплов, с. 16.

³⁸ Лобанов-Ростовский А. Б. Земский и Затрапезные, представители именитых купеческих фамилий в XVIII веке (письмо к редактору «Русской старины» М.И. Семеvскому) / сообщ. кн. А. Б. Лобанов-Ростовский // Русская старина. — 1884. — Т. 41. — С. 217.

странах, где Лобанов был чрезвычайным и полномочным послом, он требовал от подчинённых не только обычных отчетов о политической, экономической и торговой деятельности, но и этнографические и археографические обзоры [Гурулева, 2001].

Найденные Лобановым новые документы по истории России

В течение 1873–1888 г. в журналах «Русская старина» и «Русский архив» публикуются найденные Лобановым документы, новые для современных ему историков, посвящённые известным историческим лицам, и тщательные комментарии к ним. В нашем издании мы посвящаем публикациям Лобанова VI раздел. Современниками научная деятельность князя была оценена высоко, что сказалось, в частности, в избрании его в 1876 г. почётным членом Императорской академии наук.

«Человек долга, труда и опыта»

Лобанов был, как сам он написал в очерке о светл. князе П.П. Лопухине, «ревностным любителем отечественной старины»³⁹. Как автор, он скромно оценивал свою роль, не всегда подписывал свои корреспонденции в исторической периодике, иной раз отмечал инициалами, иногда ограничивался одной буквой. Он охотно отдавал собранные материалы другим авторам с тем, чтобы они издали исторические сочинения под своим именем.

Карцов пишет: «Князь Лобанов занимался... историографией, работал над Историей Императора Павла I, издавал письма г-жи Куаньи, корпел в British Museum над злополучною долею Марии Стюарт. И что же? гора разрешилась мышью: всё свелось к библиографии, к коллекционерству, к историческому анекдоту»⁴⁰.

Это прямая неправда. Смолоду, как свидетельствует однокашник Лобанова

по лицу, князь Лобанов-Ростовский был «чужд сословных предрассудков, стремясь к воссозданию исторического прошлого в его неприкрашенной правде»⁴¹. Как учёно-историку ему претила приблизительность. В то же время «в своих исторических исследованиях князь Алексей Борисович увлекался более всего деятелями, в жизни которых было что-то загадочное, не вполне до настоящего времени выясненное, или же интересовался лицами, над которыми тяготел фатум, злой рок»⁴², — пишет В.А. Теплов. Добавим, по подбору публикуемых им документов Лобанова, бесспорно, интересовали те крутые моменты в российской истории, которые могли бы стать провозвестниками ограничения абсолютной монархии: дело Лопухиных, Артема Волынского, братьев Грузиновых.

Мы наблюдаем и в области науки верность Лобанова самому себе: как в дипломатии он оказывался в самых острых точках настоящего, непостижимым образом распутывая сложные ситуации, так и в прошлом занимался самыми «неудобными» для публикации историческими моментами и фигурами. Теплов даёт общую значительную оценку исторических занятий Лобанова.

Лобанов писал исторические очерки. Так, в нашем издании представлен психологически пронизательный портрет Е.И. Нелидовой и её эпохи. Но чаще дипломат оставался анонимным автором. Так:

«Судьба графа Н. П. Панина, этого выдающегося по своим дарованиям, а по обстоятельствам своей жизни несчастного государственного человека, прожившего более 30 лет в опале, не могла не заинтересовать князя Лобанова... Князь Лобанов приложил все старание, чтобы доискаться до истинных причин постигшей графа Панина немилости и путём расспросов лиц, близко стоявших к Дугинскому изгнаннику и тщательного разыскания писем того времени,

³⁹ Лобанов-Ростовский А.Б. Светлейший князь П[авел] П[етрович] Лопухин, 1788-1873 гг. : [некролог] / сост. кн. А. Б. Лобанов-Ростовский // Русская старина. — 1873. — Т. 7. — С. 729.

⁴⁰ Карцов, с. 12.

⁴¹ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (к портрету князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского / Грав. К. Адт) // Русская старина. — 1896, Т. 88. — С. 691.

⁴² Теплов, с. 42.

ему удалось открыть долго хранившуюся тайну. Составленная им монография «Граф Никита Петрович Панин» *представляет значительный интерес, но по заключающимся в ней сведениям не могла быть напечатана, и князь читал её только в кругу близких своих друзей и знакомых.* Она, несомненно, была сообщена Брикнеру, который и воспользовался ею при издании «Материалов для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина». Не соглашаясь иногда вполне с мнением или догадкой князя Лобанова, Брикнер *приводит*, тем не менее, *дословно его рассказ, не указывая, однако, на источник*»⁴³.

Анонимно Лобанов принял огромное участие в публикации уникальной коллекции, писем французских исторических фигур конца XVIII в. «Частная переписка графа де Водрёя и графа Д'Артуа»⁴⁴ во время эмиграции (1789–1815 гг.)⁴⁵. Он практически подарил «всю авторскую честь», по выражению Теплова, Леонсу Пинго. Анонимно изданы и «Письма маркизы де Куаньи»⁴⁶. Не подписал Лобанов и некролог о светл. князе П.П. Лопухине, очень личный по тону.

«Вообще должно заметить, что князь Лобанов не принадлежал к числу тех людей, которые собранные ими данные ревниво хранят под семью печатями. Наоборот, когда исследователи или историки обращались к нему за советом, указанием или справкою, он охотно делился с ними всем своим знанием, сообщал добытые им сведения или же свои догадки, предположения, словом, не скупился делиться с ними всем собранным им с такою любовью и редким умением богатым историческим материалом»⁴⁷, — замечает Теплов.

Тем более, Лобанов не мог обнародовать никакой правдивой книги о Павле I и его эпохе, имея на руках секретные сведения Дома Романовых. Он мог лишь представлять на суд читателей документы и надеяться на их ум и анализ. В дневниках Половцова, фрагменты которых представлены в данном издании, видны отголоски тайны, которая витала над убийством императора Павла — царствование этого императора было особым центром исторических интересов князя. Из самой подборки документов эпохи Павла I, представленных Лобановым для публикации в «Русской старине», мы видим, сколь он желал обратить внимание читателей излишнюю строгость его рескриптов или порой на их абсурдность ...

Мемуарист Уманский свидетельствует: Лобанов собрал «сборники материалов, относящихся к истории царствования Павла I, которым особенно любил заниматься. Памятником этих занятий остались в рукописи два огромных тома «Дневника» этого царствования, где, на основании сведений, почерпнутых из камер-фурьерских журналов⁴⁸, рукописного дневника Ростопчина⁴⁹ и других материалов, воспроизведена, день за днем, внешняя история царствования Павла I. Книги и рукописи князя Лобанова-Ростовского испещрены его собственноручными, подчас весьма ценными, историческими и библиографическими замечаниями. Владея столь обширными познаниями и коллекциями, князь, сравнительно с его долголетнею жизнью, опубликовал немного; с одной стороны это объясняется тем, что служебная деятельность князя мешала ему сосредоточиться на обработке сырых, им добытых исторических

⁴³ Теплов, с. 44.

⁴⁴ Граф Франсуа Водрёй (1740–1817) дворянин времен короля Людовика XVI, входивший в круг приближенных Мари Антуанетты, и личный друг графа Д'Артуа — будущего короля Карла X. Во время Великой Французской революции покинул Францию, после падения империи Наполеона вернулся и участвовал в реставрации Бурбонов. Карл Д'Артуа (1757–1836) был королем Франции в 1824–1830 гг.

⁴⁵ *Correspondence intime de comte de Vaudreuil et du Comte d'Artois pendant l'Émigration (1789-1815)*, publiée avec introduction, notes et appendices par Léonce Pingaud. — Paris, 1889.

⁴⁶ *Lettres de la Marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant à la société française de la fin du XVIII siècle.* — Paris, 1884.

⁴⁷ Теплов, с. 45.

⁴⁸ Камер-фурьерский журнал — хроника жизни царственных особ и двора, которая велась камер-фурьерами.

⁴⁹ Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826), граф, фаворит императора Павла I, руководитель его внешней политики.

данных; с другой стороны — качество собранных им рукописных свидетельств часто не позволяло ему, по многим соображениям, предать их печати»⁵⁰.

Лобанов выступает и *переводчиком*, если нужно преподнести интересные исторические факты читателю, как в публикации «Принц Карл Эрнст Курляндский» в «Русской старине»⁵¹, так и переводчиком рукописи Августа Коцебу об убийстве Павла I. Он ограничивает своё мнение кратким предисловием, которое мы приводим в данной книге, не высказывая своё мнение. Но оно очевидно из одной только фразы: «Не подлежит сомнению, что совершившееся смертоубийство не будет оправдано; но нельзя ожидать оправдания и для несчастного Павла»⁵².

Ясно, что с таким взглядом на вещи Лобанов никак не смог бы развернуть свои мысли в подробное исследование. Надо отметить, Лобанов и принципиально чужд «гиперопеки» над читателем. Он предлагает те факты, которые его самого поражают. Показателен внешне «сухой» рассказ о губернаторе Кривцове, который отличился тем, что нещадно бил слуг и подчинённых, был уволен, однако следствие ничем не закончилось, а Кривцов был через некоторое время *вновь принят на службу*⁵³. Бурю эмоций дипломат оставлял при себе, но анализ подборки исторических фактов и документов, помещённых в разделе VI, говорит о том, что буря была и личное отношение проявлено. Так же, выявив документ «О закреплении девушки священнику» — при запрете белому духовенству иметь крепостных, — Лобанов публикует бесхитростный текст получения несчаст-

ной девушки с полной властью любого наказания над ней новым «духовным» хозяином, и выражает свой протест и неприятие лишь в скобках, под документом, передразнивая его «высокий стиль»: «Явлено «сие письмо», 20-го мая 1803 г., в Тихвинском уездном суде самим помещиком Качаловым...»⁵⁴. Читателю должно быть ясно.

Мастер детали, поклонник микроистории, историк-коллекционер, филолог-текстолог и переводчик

Помимо цензурных соображений мы должны отметить и природную научную склонность Лобанова-историка. Среди двух групп историков, которые одинаково важны для развития науки, первая стремится к интерпретациям, пространным спекуляциям и главное место отдаёт идеям, а вторая предпочитает тщательно представлять факты, выявляя вокруг них всю полноту контекста. Безусловно, Лобанов относится ко второй категории учёных.

Его талант — *фактолога-комментатора*, его страсть — выверенное до конца отдельное историческое событие. Ибо как профессионал он понимал — если нет чёткости каждой детали, всё здание исторического сочинения может предстать сомнительным. А также и то не всегда доступное современным историческим изданиям соображение, что без комментариев исторический текст тускнеет, может оказаться непонятным, а следовательно, неинтересным читателю. Так, при всей занятости Лобанов берётся сделать сноски к пространному «Журналу путешествий Зиновьева», нимало не заботясь о скромности своей роли⁵⁵.

⁵⁰ Уманский, с.21–22.

⁵¹ Лобанов-Ростовский А.Б. Принц Карл-Эрнст Курляндский в Бастилии. 8 января — 24 апреля 1768 г. // Русская старина. — 1888. — Т. 59. — С. 739–750.

⁵² Лобанов-Ростовский А. Б. Предисловие // Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников / А.Ф.Ф. фон Коцебу. Перевод и примечания А.Б. Лобанова-Ростовского. — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1908. — С. 319.

⁵³ Лобанов-Ростовский А.Б. Н.И. Кривцов: Кривцовы. Биографический очерк // Русская старина. — 1888. — Т. 60. — С. 730.

⁵⁴ Лобанов-Ростовский А.Б. Закрепление девушки священнику. [Документ] 1803 г. / сообщ. Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский // Русская старина. — 1874. — Т. 11. — С. 178.

⁵⁵ Лобанов-Ростовский А.Б. Журнал путешествия Василия Николаевича Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии, 1784–1790-е гг. / сообщ. Н. П. Барышников и А.Б. Лобанов-Ростовский; примеч. Н.И. Барышникова и кн. А.Б. Лобанова-Ростовского // Русская старина. — 1878. — Т. 23. — С. 207–240, 399–440, 593–630.

Корреспонденции Лобанова интересны и тем, что показывают живое общение историков на страницах «Русской старины» и «Русского архива», которые публикуют свои соображения, утонения и новые материалы сообразно с текущим моментом, с тем, что на данный момент занимает других публикаторов. Часто Лобанов, постоянный читатель журнала, именно в ответ публикациям присылает уточнения, найденные в документах своей коллекции. Князь откликается очень быстро. Так, вопрос задан автором из Дрездена в октябре — ответ Лобанова опубликован в ноябре. Или, Лобанов использует трибуну «Русской старины» как совместный поиск с коллегами ответов на микроисторические лакуны — случай с предложенным им вопросом о князе Щербатове, — насколько не беспокоясь показать неосведомленность — лишь бы был найден ответ. «Июня 1802 года происходила дуэль между князем Зубовым и кавалером Иосифом Саксонским... Секундантом князя Зубова был князь Щербатов... Который это князь Щербатов? Не князь ли Александр Феодорович... Я был бы весьма обязан тому из читателей «Русской Старины», который принял бы на себя труд разрешить этот вопрос»⁵⁶.

Он, бесспорно, имел талант *историка-редактора* и даже корректора. Особенно князь пристрастен к исправлению неточностей, описок, опечаток, пропущенных мелких сведений, выверяя каждое слово в текстах, которые изучал в исторической периодике, тщательно следя за материалами журналов. И он скорее бросался их исправлять своей публикацией. Перефразируя классика театра, можно сказать: Лобанов любил не себя в науке истории, а науку в себе. Потому брался за все виды незаметной, но насущной исторической работы, «чёрного труда» историков.

Лобанов — *коллекционер-историк*. Он относится к историческому факту, который он добыл в старинных источниках и

который неизвестен его современникам-читателям, как самодостаточной находке, любуясь ею и представляя в должной опра-ве комментариев и уточнений.

Каждая его сухая фактологическая заметка имеет множество ценных исторических аспектов, побочных эффектов, нужных другим исследователям — Лобанов всегда смотрит в будущее науки. Так, опубликованный им «Табель жен первых 5-ти классов»⁵⁷ представляет также точную географию мест жительства видных фигур того времени, а также географию церковей конца XVIII в., и попутно — тайн рождения известных особ. Или он даёт точное библиографическое описание книги, с мнением о литературном и историческом качестве книги, а также гипотезой, кем на самом деле написано данное сочинение. Всё умещается на одной странице — как отчёт, ровно как в дипломатической работе — князь приучал сотрудников уметь выделять и представлять только главное.

Надо сказать, что некоторые редкие документы и объяснения к ним Лобанова и до сих пор остаются первоисточником, который положен в основу современных исследователей.

Иногда Лобанов выступает одновременно как историк и как *филолог-текстолог*, как в случае публикации комментариев к рукописи «Записок Дашковой», представив идеальное описание их особенностей, как внешних, так и языковых, включая описки, ошибки, вычеркнутые фрагменты, даёт оригиналы текстов, а затем свои переводы. Материал организован так, как бы сделал и сегодня профессиональный текстолог.

Высказывает он и мнение о принципах перевода — в связи с английским текстом «Записок Дашковой», удивительным образом предвосхитив мнение, через полвека высказанное В.В. Набоковым, что «самое большое — зло в цепи грехопадений переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать» подлинника:

⁵⁶ Лобанов-Ростовский А.Б. Вопрос о князе Щербатове // Русская старина. — 1886. — Т. 52. — С. 228.

⁵⁷ Лобанов-Ростовский А.Б. Ведомость о находящихся в Москве первых пяти классов женска пола персонах в 1775 г. / сообщ. А. Л. [кн. А. Б. Лобанов-Ростовский] // Русская старина. — 1873. — Т. 8. — С. 94–97.

«я... нисколько не заступаюсь за английский перевод г-жи Бадфорд, — пишет Лобанов. — Она постоянно увлекается желанием сгладить шероховатости подлинника и придать более приличный вид тому, что ей кажется слишком резким или смелым, мало заботясь о сохранении точности и энергии выражений кн. Дашковой. Но этот недостаток у неё общий почти со всеми переводчиками её времени, и было бы, по моему мнению, крайне несправедливо требовать от этой почтенной дамы

тех учёных приёмов, к которым мы теперь привыкли и которых мы вправе ожидать от всякого сколько-нибудь опытного переводчика или издателя»⁵⁸.

И уже упомянутое кредо Лобанова содержится в предисловии к Запискам Дашковой — уважение к уму и проницательности читателя: издавая отдельные исторические факты и не выявляя своего мнения, «предоставить самому читателю принять или отвергнуть»⁵⁹.

Список литературы:

- Гурулева В.В. Русские коллекционеры памятников нумизматики (Вторая половина XIX – начало XX века) // Пилигримы: историко-культурная роль паломничества. — Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. — С. 165–178.
- Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей: наставники и питомцы. — Москва: Кучково поле, 2008. — 446 с.
- Лобанов-Ростовский Н. Д. Рюрикович на переломе эпох: князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: зэк, "вор", чемпион-пловец, геолог, банкир, меценат. — Москва: Минувшее, 2020. — 837 с.
- Лобанов-Ростовский Н.Д. Михаил Борисович — военный // Эпоха. Судьба. Коллекция. — Москва: Русский путь, 2010. — С. 370–373.
- Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в XXI веке: князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: статьи, интервью, письма, рецензии. — Москва: Минувшее, 2017. — 589 с.
- Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский: статьи, интервью, рецензии. — Москва: Полиграф-Плюс, 2015. — 656 с.
- Оболенский Д.Д. Император Николай II и его царствование (1894–1917) // Царь и Россия. Размышления о Государе императоре Николае II. — Москва: Отчий дом, 2017. — С. 116–164.
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т 2: 1887–1892. — Москва: Центрполиграф: Московская типография, 2005b. — 639 с.
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 1: 1883–1886. — Москва: Центрполиграф: Московская типография, 2005a. — 603 с.
- Романюк С.К. Русский Лондон: первый и единственный путеводитель по местам, связанным с пребыванием русских в британской столице. — Москва: АСТ: Астрель, 2009. — 479 с.
- Стремухов П.П. Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев. // Царь и Россия. Размышления о Государе императоре Николае II. — Москва: Отчий дом, 2017. — С. 288–409.
- Федорова Е.С. Наполеон. Тильзит 1807 // Рюрикович на переломе эпох: князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: зэк, "вор", чемпион-пловец, геолог, банкир, меценат. — Москва: Минувшее, 2020. — С. 175–183.

⁵⁸ Лобанов-Ростовский А.Б. Еще о «Записках» княгини Дашковой. Князя А. Б. Лобанова // Русский архив. — 1881. — Вып. 1–2. — С. 379.

⁵⁹ Там же.

References:

- Fedorova, E. S. (2020) 'Napoleon. Til'zit 1807 [Napoleon. Tilsit 1807]', in *Ryurikovich na perelome epokh: knyaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskiy: zek, 'vor', chempion-plovets, geolog, bankir, metsenat* [Rurikovich at the turn of the era: Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky: convict, 'thief', champion swimmer, geologist, banker, philanthropist]. Moscow: Minuvsheye Publ., pp. 175–183. (In Russian).
- Guruleva, V. V. (2001) 'Russkiye kollektsionery pamyatnikov numizmatiki (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Russian collectors of numismatic monuments (Second half of the 19th – early 20th century)]', in *Pilgrims: the historical and cultural role of pilgrimage*. Saint Petersburg: Ermitazh Publ., pp. 165–178.
- Kobeko, D. F. (2008) *Imperatorskiy Tsarskosel'skiy litsey: nastavniki i pitomtsy* [Imperial Lyceum in Tsarskoye Selo: mentors and pupils]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2010) 'Mikhail Borisovich — voyennyy [Mikhail Borisovich — a military man]', in *Epokha. Sud'ba. Kolleksiya. [Epoch. Fate. Collection]*. Moscow: Russkij Put' Publ., pp. 370–373. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2015) *Ryurikovich v emigratsii. Knyaz' Nikita Lobanov-Rostovskiy: stat'i, interv'yu, retsenzii* [Rurikovich in exile. Prince Nikita Lobanov-Rostovsky: articles, interviews, reviews]. Moscow: Poligraf-Plus Publ. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2017) *Ryurikovich v KHKHI veke: knyaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskiy: stat'i, interv'yu, pis'ma, retsenzii* [Rurikovich in the XXI century: Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky: articles, interviews, letters, reviews]. Moscow: Minuvsheye Publ. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2020) *Ryurikovich na perelome epokh: knyaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskiy: zek, 'vor', chempion-plovets, geolog, bankir, metsenat* [Rurikovich at the turn of the era: Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky: convict, 'thief', champion swimmer, geologist, banker, philanthropist]. Moscow: Minuvsheye Publ. (In Russian).
- Obolensky, D. D. (2017) 'Imperator Nikolay II i yego tsarstvovaniye (1894-1917)', in *Tsar' i Rossiya. Razmyshleniya o Gosudare imperatore Nikolaye II* [Tsar and Russia. Reflections on the Sovereign Emperor Nicholas II]. Moscow: Otchiy dom Publ., pp. 116–164. (In Russian).
- Polovtsov, A. A. (2005a) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t. T. 1: 1883–1886* [Diary of a Secretary of State: in 2 vols. Vol. 1: 1883–1886]. Moscow: Tsentrpoligraf: Moskovskaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Polovtsov, A. A. (2005b) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t. T. 2: 1887–1892* [Diary of a Secretary of State: in 2 vols. Vol. 2: 1887–1892]. Moscow: Tsentrpoligraf: Moskovskaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Romanyuk, S. K. (2009) *Russkiy London: pervyy i yedinstvennyy putevoditel' po mestam, svyazannym s prebyvaniyem russkikh v britanskoy stolitse* [Russian London: the first and only guide to places associated with the stay of Russians in the British capital]. Moscow: AST: Astrel Publ. (In Russian).
- Stremukhov, P. P. (2017) 'Imperator Nikolay II i russkoye obshchestvo v kontse yego tsarstvovaniya v osveshchenii inostrantsev [Emperor Nicholas II and Russian society at the end of his reign in the coverage of foreigners]', in *Tsar' i Rossiya. Razmyshleniya o Gosudare imperatore Nikolaye II* [Tsar and Russia. Reflections on the Sovereign Emperor Nicholas II]. Moscow: Otchiy dom Publ., pp. 288–409. (In Russian).

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Федорова — доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13 (IV гуманитарный корпус) (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ekaterina S. Fedorova — doctor of Culture Studies, PhD in Philology, Professor, Professor at the Department of Theory in Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Bldg. 13-14, 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 14.09.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 14.09.2022.